

Театр: молодые имена

— Ты снимаешься в кино, на телевидении, играешь у Виктюка, да еще свой театр...

— Я всегда так жил. Всегда занимался всем, чем можно заниматься. Я окончил математическую школу, учился в авиационном институте, увлекался логикой, программированием и чертежами, много рисовал. Когда-то в детстве часами копировал старых мастеров. Я не занимался только музыкой. Когда встал вопрос о выборе между музыкой и плаванием, я не подумал, что можно делать и то, и другое. Просто спать не 8 часов...

— А сколько ты сейчас спишь?

— Часа 4. Утром очень сложно вставать, а вечером думаешь, почему я так много сплю. Один знакомый человек в разговоре о моем образе жизни, о жадности ко всему, о том, что хочется все успеть, а не хватает времени, дал совет: «Вы забудьте о времени. Вы раздвигайте пространство». Действительно, это формула гениальная. Как только ты думаешь о времени, как только ты смотришь на часы, ты теряешь все, даже ту минуту, которая предназначена для дела.

Но как раздвинуть пространство?

— Один твой герой — Марк из «М. Баттерфляй», кажется, пытается управлять и временем, и пространством, проникая в любую точку сцены, как бы контролируя «свись». Пластика в этом случае за пределами. У тебя были хорошие учителя?

— Да нет. Я, красиво говоря, самородок, некрасиво говоря, дилетант. Очень часто после спектаклей меня спрашивают: «Где ты занимался хореографией?». И я который раз отвечаю, что ко всему пришел сам. Ощущение пластики, графики, соединение тела и текста — это не следствие диплома об окончании хореографического училища. Аналогичная ситуация происходит и с актерством, и с режиссурой.

— Твой внутренний мир сегодня? Тебя что-то тревожит?

— Это очень сложно. Я думаю, что и да, и нет. Это относится к моим половинкам. Одна половин-

ка покойна, держит, творит, направляет, успокаивает, гармонизирует, ведет. Вторая половинка толкает первую в бок, постоянно показывает на часы, на мои слабости, задает нервозность внутри. Она нервничает и от того состояния страны, в коем мы живем, от которого невозможно уйти.

— Ты задумываешься о том, что происходит с людьми и страной?

— Да, конечно. Но я очень быстро меняюсь, и как человек, гражданин этой страны — тоже. Если в прошлом году я перелистывал «Независимую газету», то сейчас читаю только страницу, посвященную культуре, все остальное потеряло интерес.

Я понимаю, что все должно как-им-то образом вымучиться, выкристаллизоваться в политике, в обществе, в стране, в лицах людей, наконец. Но пока мне это неинте-

"АЛЬТЭР" СЕРГЕЯ ВИН

Когда на сцене Театра Романа Виктюка появляется Сергей Виноградов, зал, кажется, попадает под магическое воздействие. Его прозрачная, далекая, похожая на белого ангела Мадам в «Служанках» уже превращается в легенду.

Успех. Слава. Ажиотаж на спектаклях. Попасть практически невозможно. Что еще можно желать актеру? Разговор с Сергеем получается не о лаврах и надоевших поклонниках. И в глазах его нет и тени изнеженности или лени. Немного в манере Оскара Уайльда, с той же неторопливостью движений, с той же грацией и холодным спокойствием, он говорит о том, что жизнь слишком коротка (в свои 26 лет), что хочется успеть очень много, что свой театр отнимает большое количество энергии.

Мне приходит еще одно сравнение с Уайльдом. Писатель мыслил парадоксами. Сергей парадоксален по сути. Очень образованный человек, актер, режиссер, балетмейстер... Кто-то еще?

решно, поскольку я не занимаюсь разбором, психоанализом больных людей. Хотя так получается, что люди, которые окружают меня: едут в метро, выступают по телевизору, стоят в очередях — накладывают отпечаток.

Я чувствую, что их сознание, их

восприятие находится на уровне видеоклипа. Никто не читает длинных романов, никто не смотрит длинных фильмов, а если берут у приятеля кассету 3-часового фильма, то ставят на ускоренную промотку и узнают сюжет. Я знаю, что «Война и мир» и другие вели-

ЭТО ОГРАДОВА

кие книги мира на Западе издаются в виде 15-страничных брошюр с изложением содержания, и это людям нравится, это удобнее, чем тратить месяц на то, чтобы прочитать «Войну и мир» в двух огромных томах. Коротко. Ясно. Каиф. Все удовольствия при минимальной потере времени. Человек приближается к компьютеру, но он должен отделиться от машины. Он не может до бесконечности уплотняться.

Очень мало людей, которые сохраняют интерес к искусству. Их, наверное, можно уместить в одном концертном зале. Но пока они есть, искусство не умрет.

— Твой любимый Набоков черпает образы в детстве. Для него тоска по России — это тоска по детству...

— У меня очень странное впечатление от своего детства. Элто-

на Джона спросили, когда он был молод, когда на сцене ломал палки: «Почему вы так буйните? Почему у вас 40 пар очков?» и т. д. Он ответил: «Я в детстве был очень толстым и неуклюжим. Я не наигрался. Я прочел это лет в 15 и понял, что это про меня.

Я пытаюсь наиграться за то детство, которое мне не дало игры, свободы и покоя. Это не связано с какими-то обстоятельствами или условиями жизни. Просто так вышло, что мир в детстве воспринимался очень угрюмым, некой лавиной, которая подминает меня под себя. Потом была задача стать сильным, чтобы противостоять миру, а потом... (то есть сейчас) я пытаюсь наиграться.

— У тебя есть свой театр. Он имеет приставку «пост». Это имеет отношение к постмодернизму?

— Мой ход к постмодернизму от меня, а не наоборот. Лишь потом я узнал, что существует такой стиль. Но я никогда не утверждал, что работаю в стиле постмодерн, тем более что никто не может сказать, что это такое. Мне очень важно, чтобы в названии «Посттеатр» существовало много смыслов. Это смысл, связанный с постмодерном. А также пост, где к театру относятся как к храму, где чтят и где хранят.

Работая как режиссер, я постоянно говорю о трёх главных моих уплотнениях. Об уплотнении смысла, т. е. содержания. Об уплотнении формы как синтеза драмы, музыки и балета и об уплотнении восприятия, когда в постановке существует множество уровней, на которых я могу быть воспринят.

Самое главное — чтобы зритель захотел воспринимать. Если они придут ко мне на спектакль отдохнуть, что ж, они смогут это сделать, послушав музыку, увидя странный, красивый балет, молодых актёров, играющих историю любви. Люди, которые понимают больше, будут понимать больше. А что касается постмодернизма, то основной его чертой, по-моему, является человеческое восприятие мира через культуру.

Здесь важен ещё один момент. Дело в том, что постмодернизм воз-

никает в странах культурных, а с нашей страной это соотносится очень слабо. Поэтому приведенная выше формула в нашей стране приобретает принципиально иное значение. Эта формула означает необходимость почти насильственного насаждения культуры, «осквернение культуры», как я говорю.

— Сережа, и, возвращаясь на «круги своя», последний вопрос. В чем, по-твоему, причина такого феноменального интереса к Виктюку?

— Его театр уникален тем, что воплощает на сцене мир сна, мир воображения, который по своей четкости, насыщенности, эмоциональности сильнее, реальнее яви.

Замечательна фраза Гринюэя о том, что наивно полагать, будто в кино, в кадре можно создать ощущение реальности, ощущение жизни. Это действительно наивно, какими бы средствами ни решалось, поскольку жизнь интереснее, чем ее копия. Но можно идти путем творца, путем создания другой реальности, которая была бы чище, более настоящей, чем явь. У каждого эта реальность очень индивидуальна. Я люблю индивидуалистов в искусстве, которые не боятся делать и ставить спектакли про самого себя, вытаскивая на сцену свой мир, материализуя его.

Театр Виктюка уникален энергетическим контактом, умением вытаскивать из своих актёров эту самую энергетическую составляющую. Я не понимаю, каким образом он это делает. Его умение почти шаманское... Зал следит и очень внимательно, и очень долго за совсем, казалось бы, невыразительными вещами, а не за эффектной сменной задников или за красивой мизансценой, балетом. Энергия от актёров Виктюка мощным потоком идет в зал, и публика сидит завороженная.

— Итак, театр — самое главное. А если бы так случилось, что все же не театр, то что тогда?

— Наверное, математика. Она так же, как искусство, опережает время.

Е. СОЛНЦЕВА.

НА СНИМКАХ: С. ВИНОГРАДОВ — в жизни и на сцене.